УДК 130.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-3-114-123

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В. Ф. ОДОЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ XIX ВЕКА

Кравченко В. В.*Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)
125993, г. Москва, Волоколамское ш., д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. Цель статьи – раскрыть философско-антропологические воззрения Владимира Фёдоровича Одоевского (1804–1869), известного русского писателя, часто причисляемого к литераторам «второго ряда» пушкинской поры и Золотого века русской литературы. Но в ретроспективном рассмотрении его оригинального творчества он предстаёт самобытным мыслителем, своеобразно сочетавшим философские, художественные, научные и религиозно-мистические взгляды. Мистические интересы Одоевского, о которых пишут все исследователи творчества этого неординарного русского писателя, заметно выделяются на фоне повсеместного российского увлечения «таинственным» в начале XIX в. С современной точки зрения сущность воззрений русского мыслителя оказывается чрезвычайно созвучной актуальным тенденциям соединения философских, психологических и художественных исследований. Используя метод историко-философской реконструкции в определении значения архаической терминологии Одоевского и основных тем его размышлений, можно легко обнаружить провидческие представления русского мыслителя о сложных взаимодействиях рационального мышления и бессознательного, о важнейшем значении интуиции в научном и художественном творчестве, о неразрешимых противоречиях между рациональным и эмоциональным интеллектом (в современных терминах), о первостепенной важности нравственных установок во всех видах человеческого творчества.

Ключевые слова: романтизм, «александровский мистицизм», русское шеллингианство, русское масонство, психология, «инстинктуальное чувство», эмоциональный интеллект

VLADIMIR ODOEVSKY'S PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL VIEWS IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS AND MYSTICAL IDEAS OF THE 19TH CENTURY

V. Kravchenko*Moscow Aviation Institute (National Research University)
4, Volokolamsk highway, Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. Vladimir F. Odoevsky (1804–1869) is a famous Russian writer, often ranked among the writers of the «second row» of Pushkin's time and the Golden age of Russian literature. But in retrospect, considering his original work, he appears to be an original thinker with a peculiar combination of philosophical, artistic, scientific and religious-mystical views. Mystical interests

of V. F. Odoevsky which all researchers of this extraordinary Russian thinker write about stand out against the background of the widespread Russian fascination with the «mysterious» in the early 19th century. From the modern point of view, the essence of the views of the Russian thinker is extremely in tune with the current trends of combining philosophical, psychological and artistic research. Revealing the meaning of Odoevsky's archaic terminology and the main themes of his reflections, one can easily discover the Russian thinker's visionary ideas about the complex interactions of rational thinking and the unconscious, about the importance of intuition in scientific and artistic creativity, about the insoluble contradictions between rational and emotional intelligence (in modern terms), about the paramount importance of moral attitudes in all kinds of human creativity.

Keywords: Romanticism, mysticism of the epoch of Alexander I, Russian shellingism, Russian freemasonry, psychology, instinctual sense, emotional intelligence

Немаловажным фактором, определявшим неизбежность обращения В. Ф. Одоевского к мистицизму, является сама эпоха, отмеченная повышенным интересом к мистическим явлениям (начавшаяся ещё в XVIII в.) и неслучайно именуемая «Александровским мистицизмом». Император Александр I открыто интересовался мистикой, поддерживал мистические настроения в обществе и издания знаменитых в Европе мистических сочинений, лично общался со знаменитыми мистиками [1; 3; 6; 7].

Романтизм как широкое культурное течение был основой формирования и развития так называемых «мистических настроений» в европейском, а затем и в российском обществе. Французский романтизм был во многом связан с антиклерикальными и антихристианскими идеями французских деятелей эпохи Просвещения (тем, что в России понималось как безбожие и вольнодумство, часто обобщенно именуясь «вольтерьянством»), с политико-социальными реформаторскими идеями Великой Французской революции, а также с началом активных научных исследований Северной Африки и Ближнего Востока на фоне

наполеоновских завоеваний и колонизации многих стран этих регионов. Английский романтизм был следствием социально-политических и духовно-религиозных революционных процессов. Отголоски борьбы католиков и гугенотов во Франции и кровавого становления англиканства в Англии в духовной сфере привели к отходу от католичества, обострению интереса к язычеству, неохристианским поискам, к распространению различных форм мистики, магии, оккультизма и т. п. [9].

В России подобная литература быстро распространилась как на оригинальных языках (французском, немецком, английском – эти книги читало дворянство и образованные разночинцы), так и в переводах для самой массовой аудитории. Как отмечал знаменитый историк русской культуры и литературы М. О. Гершензон, мистическую литературу читали все классы русского общества, не исключая и духовенства – «от митрополита до сельского священника» [4, с. 33].

Устойчивый интерес в культуре Востока (экзотическим религиям, традициям, искусству), а также страсть к путешествиям на Восток – это яркие и отличительные черты романтизма.

Пришедшие с Запада мистические книги широко переводились и издавались в России.

В русской светской культуре, которая прямо копировала западную моду на духовные интересы, романтизм совершил поистине кардинальный духовный переворот: он открыл богатство и неисчерпаемость внутреннего мира человека. Романтики, создавшие один из наиболее живучих мифов – «миф о таинственном Востоке», соединили его с захватывающим «путешествием» в глубины человеческой личности. Именно эти романтические открытия стали благодатной почвой для развития и русской литературы Золотого века в поисках того, что уже с той поры именовалось «духовностью». При этом подразумевался не только религиозный (православно-христианский), но и свободный мистический, оккультный, магический, художественно-философский индивидуальный поиск.

Говоря о сочетании религиозно-мистических и литературно-философских экспериментов в русской культуре, нельзя не упомянуть влияние уникального творчества немецкого писателя Э. Т. А. Гофмана. Для русского читателя он был, по словам В. Г. Белинского, «чудный великий гений», «поэт фантастический, живописец невидимого внутреннего мира, таинственных сил природы и духа» [2; 11].

В широкую моду вошла новая мистическая литература, как отражавшая религиозно-христианские идеи, так и далеко отстоящая от них. Характерно, что большинство книг, не связанных с христианством, но касавшихся разнообразных подлинно мистических

вопросов (о формах и видах мистики, разнообразии мистических опытов и т. п.), назывались «духовными», а многие книги, рассматривавшие «таинственные явления природы и человеческой психики», считались «мистическими». Только примерно со второй половины XIX в. книги собственно мистической тематики отделились от оккультной и термин «оккультизм» стал вполне общеупотребимым в светской литературе и в европейской культуре в целом [3].

Если рассматривать творчество В. Ф. Одоевского в данном контексте, совершенно очевидно, что он был сыном своего времени [13]. Близко знакомый с А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, В. А. Жуковским и другими русскими писателями и интеллектуалами, Одоевский участвовал во многих литературных проектах (журналах, альманахах). Все его родственники, друзья и большинство сослуживцев были масонами. Хотя достоверно до сих пор неизвестно, но, скорее всего, сам Владимир Фёдорович был членом одной из лож. Огромная масонская библиотека и архив его шурина, знаменитого масона Сергея Степановича Ланского, была, по всей видимости, хорошо изучена Одоевским, а затем, после смерти Ланского, библиотека и архив были переданы в Румянцевский музей, директором которого и был Одоевский. Однако, несмотря на столь близкое общение с масонами и даже на вероятное участие в их мероприятиях, масонский «мистицизм» не является отличительной чертой философско-мистических взглядов Одоевского.

Во-первых, стоит напомнить, что русское масонство, по существу являясь результатом западных влияний,

не было собственно религиозно-мистическим, а скорее идеологическим, общественно-политическим и просветительским движением [12]. Среди масонов было немного мистиков, и не они занимали ведущие позиции в выстраивании идеологии и практики многочисленных лож. Во-вторых, «мистические» влияния можно было бы усматривать в использовании масонской терминологии оккультно-мистического характера: «внутренний человек», «всеобщее благоденствие», «гармония» и пр., – но все подобные термины не имеют специфической религиозно-мистической нагрузки и, главное, не определяют сущность идей В. Одоевского. В-третьих, учитывая неразобранность огромного архива Одоевского, мы ограничиваемся констатацией известных фактов в его биографии и исследованием его опубликованных работ, в которых не прослеживается ни формальных, ни идейных, ни духовных проявлений масонского мистицизма.

Возможно, стоит подробнее исследовать «вторичный» философский мистицизм у Одоевского как следствие его увлечения поздним Шеллингом. Известно, что Одоевский был одним из первых русских «любомудров», внимательных читателей и почитателей немецкого философа в течение 20 лет. Его привлекал мистицизм, так сказать, в религиозно-философском обличии, как течение, определяемое теми или иными теологическими, религиозными или философскими доктринами, связанными с оправданием, осмыслением и упорядочением процесса «единения» с Богом (Абсолютом, Единым и т. п.). Известно, что Одоевский испытывал, как и Шеллинг, некое «открове-

ние», о чем они, видимо, говорили при личной встрече в 1842 г. Эта проблема, по существу, не исследована и её решение скрыто в огромном эпистолярном наследии писателя.

Известно, что Одоевский изучал патристику, традиции исихазма. Но уже для своих современников, однозначно причислявших его к «мистикам», Одоевский оставался загадкой. В письме к А. С. Хомякову (20.08.1845) он писал: «Странная моя судьба, для вас я западный прогрессист, для Петербурга – отъявленный старовер-мистик; это меня радует, ибо служит признаком, что я именно на том узком пути, который один ведет к истине»¹.

Сегодня представляется более продуктивным рассмотрение Одоевским другого проявления мистицизма, понимаемого как соприкосновение человека с тайным, непознанным, «несказуемым» в природе и человеческой натуре. Это, скорее, определённо очерченный в его произведениях научно-исследовательский подход к мистическим явлениям, которые Одоевский напрямую связывал с физическими, химическими и психологическими явлениями. Н. Гоголь искренне восхищался новеллами Одоевского из литературного проекта «Дом сумасшедших». Гоголь писал И. И. Дмитриеву: «Воображения и ума куча! Это ряд психологических явлений, непостижимых в человеке» [5, с. 14]. Напомним, что знаменитая в XX в. книга Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство» еще не была написана!

¹ Одоевский В. Ф. Письма, дневники // Литература: [сайт]. URL: <http://odoevskiy.lit-info.ru/odoevskiy/pisma> (дата обращения: 05.05.2019).

Некоторое время (в 1830-х гг.) русский мыслитель следовал путями западных мистиков Л. К. де Сен-Мартена, Э. Сведенборга, Ф. Баадера, Дж. Порреджа, Э. М. Арндта. Тем не менее В. Одоевский не стал их верным учеником. Возможно, ему был ближе образ Доктора Фауста, того средневекового мага и алхимика, а на самом деле предшественника позднейших естествоиспытателей, неутомимого искателя истины, который является одним из главных героев и инициатором бурных обсуждений пытливых и просвещённых друзей в романе «Русские ночи».

В уста своего героя, Фауста, он вкладывает знаменательные слова: «Ты знаешь мое неизменное убеждение, что человек если и может решить какой-либо вопрос, то никогда не может верно перевести его на обыкновенный язык»¹.

В 1850-х гг. Одоевский был увлечен «опытным познанием» мира. Его «мистические» склонности всё более тесно соединяются с интересами естественнонаучными и психологическими, а проявляются в опытах литературных. Русский писатель идёт вслед за Гофманом, в статье «Примечание к "Русским ночам"» он замечает: «Гофман же изобрёл особого рода чудесное... его чудесное всегда имеет две стороны: одну чисто фантастическую, другую – действительную; так что гордый читатель XIX-го века нисколько не приглашается верить безусловно в чудесное происшествие... естественная склонность человека к чудесно-

му удовлетворена, а вместе с тем не оскорбляется и пытливый дух анализа; помирить эти два противоположные элемента было делом истинного таланта»².

Некоторые исследователи полагают, что Одоевский отошёл от мистицизма 30–40-х гг. и с 1850-х гг., особенно после переезда в Москву в 1861 г., активно занялся народным просвещением. Однако нет никаких оснований считать, что те склонности к мистицизму как границе человеческого знания были отвергнуты писателем и мыслителем.

Другое дело, что он не стремился создать собственную теорию «таинственного» в сочетании с естественнонаучными исследованиями или в области религиозно-философского знания, как намечалось в его мировоззрении в юности. По каким-то неизвестным нам жизненным обстоятельствам он считал своим долгом посвятить жизнь народному просвещению, а не углубленному изучению «тайных наук» с позиции знаний своего времени. Заметим, что еще в 1845 г. Одоевский писал Хомякову: «Разумеется, и для меня неужли радость писать для народа, возиться с детьми и писать для них «Азбуки»? И мне бы веселее было удаться хоть, например, в алхимию – что за сахар? не чета твоим антам и гуннам! Да мало ли забав у меня? а контрапункт, а ботаника, а математика... – но увь! – я пишу для народа и для детей потому, что никто другой не пишет...»³.

² Там же: С. 311.

³ Одоевский В. Ф. Письма, дневники // Литература: [сайт]. URL: <http://odoevskiy.lit-info.ru/odoevskiy/pisma> (дата обращения: 05.05.2019).

¹ Одоевский В. Ф. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Русские ночи. Статьи. М.: Художественная литература, 1981. С. 116.

Сегодня мы можем отделить в творчестве Одоевского мистицизм от метафизики, утопизм и фантастики. Но едва ли возможно лишить его неповторимого романтического флёра, который, возможно, и придаёт его произведениям поистине магическую притягательность и оригинальность.

В. Одоевский сферу «таинственного» не отделяет от обычной жизни человека; фантастика и «мистика» не просто внезапно вторгаются, а постоянно сосуществуют с тем, что считается познанным и обыденным (целый городок «естественно» обнаруживается в табакерке; привидение чудится человеку спросонок, хотя при этом оказывается обычной достопримечательностью замка и т. п.). Непостижимым и несказуемым остаётся только чувство для разума, но от этого чувство не становится менее значительным для человеческой жизни.

В «Психологических заметках» Одоевский вводит и широко использует понятие «инстинктуальное чувство». Он замечает: «В человеческом организме осталось как бы воспоминание о его инстинктуальной жизни: младенец, едва родившийся, бросается на материнскую грудь; мы имеем сны, предчувствия, симпатию и антипатию; мы совершаем действия невольно, по причинам, нам неизвестным...»¹.

«Инстинктуальное чувство» Одоевского связано с целым рядом явлений:

1) с тем, что мы называем «бессознательным» (напомним, учения З. Фрейда еще не существовало);

2) с неизученными физиологическими особенностями организма, изучавшимися Месмером под названием «магнетизма»;

3) в полной мере проявлялось в том, что Одоевский называл «первой религиозной верой», а также «поэзией» и «высоким духом» человечества, неизъяснимым из человека его существеннейшим «нравственным чувством».

Сегодня мы говорим и пишем о необходимости соединения рационального и эмоционального интеллекта [8, с. 94–96], а Одоевский уже в первой половине XIX в. писал: «Одно материальное просвещение, образование одного рассудка, одного расчета, без всякого внимания к инстинктуальному, невольному побуждению сердца, словом, одна наука без чувства религиозной любви может достигнуть высшей степени развития. Но развившись в одном эгоистическом направлении, беспрестанно удовлетворяя потребности человека, предупреждая все его физические желания, она растлит его; плоть победит дух...»². И, по мысли русского писателя, погибнет очередная человеческая цивилизация.

В. Ф. Одоевский одним из первых поставил вопрос о необходимости научного изучения явлений, связанных с силой инстинкта, которые для разума всегда «есть бред». При этом подчёркивая, что западная наука никогда не сможет раскрыть эти явления, а только русская наука призвана спасти человечество. В письме к С. П. Шевыреву (от 17.11.1836) он утверждал: «...Россия должна такое же действие произвести

¹ Одоевский В. Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Русские ночи. Статьи. М.: Художественная литература, 1981. С. 275.

² Одоевский В. Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Русские ночи. Статьи. М.: Художественная литература, 1981. С. 272.

на ученый мир, как некогда открытие новой части света, и спасти издыхающую в европейском рубище науку...»¹.

Он подходил к мысли о возможности сознательного развития и познания «инстинктуального чувства» особыми методами: уединением, размышлением, однообразным повторением движений. Иначе говоря, русский мыслитель приближался к самой сути так называемых духовных практик, прямо упоминая и склонность горных шотландцев к «магнетическим явлениям», и особые «восторженные состояния» кружащихся квакеров и дервишей, и проявление необычных способностей во сне или в медитации.

Оригинальный писатель Одоевский мечтал о соединении науки, поэзии и нравственности. По-своему интерпретируя идеи цельного знания и живознания своих друзей А. С. Хомякова и И. Киреевского, Одоевский развивал идею художественно-философско-научного синтеза, предвосхищая разработки В. Соловьева в области философии цельного знания, вершиной которой в соловьевской системе должна быть именно мистика. В работе «Философские начала цельного знания» Соловьев рассматривал мистику как «творческое отношение человеческого чувства к трансцендентному миру»², таким образом понимая её как деятельное, волевое установление взаимосвязи человека с божественным миром посредством чувства, как особого «духовного инструмента». Иначе говоря, для

В. Соловьева «мистика» оказывалась особым качеством человеческого чувства, на котором должна была вырастать особая «мистическая философия», сфера реализации всеобъемлющего синтеза разума, чувства и деятельности. Но В. Ф. Одоевский считал не философию, а литературу основой синтеза искусства, познания и нравственности. Некоторые современные исследователи полагают, что «Русские ночи» и являются плодом подобного эксперимента, и потому возникают неразрешимые трудности с определением жанра подобного сочинения. По замечанию Ю. Маймина, «это одновременно и роман, и драма, и философский трактат, и дидактическая книга» [10, с. 261–262]. При этом «мистику» Одоевский оставляет на первых «подходах» к искомому синтезу, считая её, главным образом, важным и неизбежным стимулом познания, вечно стремящегося исследовать «таинственное».

Таким образом, В. Ф. Одоевского признавали мистиком при жизни потому, что он открыто интересовался таинственными проявлениями человеческой природы, и в особенности психики, а также различными религиозно-мистическими учениями и не признаваемыми наукой направлениями (месмеризмом, духовидением и пр.) Но русский писатель и мыслитель в действительности был предвестником новой русской науки, которая находилась на передовом рубеже освоенных знаний. Под названием «мистицизма» (а также «оккультизма») в XIX в. формировалось целое направление новаторских научных исследований, стремившихся раскрыть те явления, которые веками именовались «таинственными, мистическими, непостижимыми».

¹ Одоевский В. Ф. Письма, дневники // Литература: [сайт]. URL: <http://odoevskiy.lit-info.ru/odoevskiy/pisma/> (дата обращения: 05.05.2019).

² Соловьев В. С. Соч. в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 152.

Заслуга В. Одоевского была в том, что он не только направлял русскую науку на изучение подобных явлений, но и подчёркивал необходимость открытия новых методов исследований, включавших те духовные практики, которые также были связаны с мистицизмом. По существу, он ратовал за неортодоксальный подход к религиозно-мистическим взглядам и учениям, сегодня именуемый «сменой дискурса», необходимость которого осознаётся и обосновывается в актуальном религиоведении XXI в. [14].

В первой половине XIX в. наш выдающийся писатель и мыслитель утверждал ведущую роль и значение психологии, той науки, которая, по сви-

детельству многих современных учёных, определяет развитие человеческого знания в XXI в. Художественными средствами Одоевский пытался развивать то, что сегодня мы называем «эмоциональным интеллектом» и изначально противостоит рациональному интеллекту. Русский писатель постоянно подчёркивал эту поистине мистическую дихотомию, художественными средствами показывая, что разум без чувства бесплоден, рациональные схемы без высоких идеалов опасны и разрушительны как для отдельного человека, так и для всего общества.

*Статья поступила
в редакцию 02.07.2019 г.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по материалам выступления на Международной научной конференции «Литература и философия: от романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В. Ф. Одоевского», ИМЛИ- ИФ РАН- МГУ, 17–20 июня 2019.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared on the basis of the materials of the speech at the International Scientific Conference «Literature and Philosophy: from Romanticism to the 20th century. To the 150th Anniversary of the Death of V. F. Odoevsky», Institute of World Literature – Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences – Moscow State University, June 17–20, 2019.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А. Б. Мистицизм в свете русской философии // Управленческое консультирование. 2015. № 2. С. 135–145.
2. Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века): К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж, 1977. 206 с.
3. Галахов А. Д. Обзор мистической литературы в царствование Александра I // Журнал министерства народного просвещения. 1875. № 11. С. 87–175.
4. Гершензон М. О. Избранное. Мудрость Пушкина. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 655 с.
5. Гиппиус В. В. Гоголь. Воспоминания. Письма. Дневники. М.: Аграф, 1999. 464 с.
6. Коцюба В. И. «Александровский мистицизм» и православная аскетическая традиция // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 92–101.
7. Коцюба В. И. «Александровский мистицизм» и христианская антропология // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 90–100.

8. Кравченко В. В. Симфония человеческой культуры. М.: Аграф, 2017. 384 с.
9. Кучурин В. В. Мистицизм и западноевропейский эзотеризм в религиозной жизни русского дворянства в последней трети XVIII – первой половине XIX вв.: опыт междисциплинарного исследования // Центр «СОФИК» [сайт]. URL: http://sofik-rgi.narod.ru/avtori/slovo_misl/kutchurin.htm (дата обращения: 05.05.2019).
10. Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» (приложение) // Одоевский В. Ф. Русские ночи. М.: Наука, 1975. С. 247–276.
11. Русский круг Гофмана / сост. Н. И. Лопатина. М.: Центр книги ВГБИЛ им. И. М. Рудомино, 2017. 668 с.
12. Семяка А. В. Русское масонство в XVIII в. // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. М.: СП «ИКПА», 1991. С. 124–174.
13. Турьян М. А. Странная моя. М.: Книга, 1991. 400 с.
14. Stuckrad K. von. The Scientification of Religion: An Historical Study of Discursive Change, 1800–2000. Boston, Berlin: de Gruyter, 2014. 225 p.

REFERENCES

1. Aleksandrov A. B. [Mysticism in the light of Russian philosophy]. In: *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management Consulting], 2015, no. 2, pp. 135–145.
2. Botnikova A. B. E. T. A. *Gofman i russkaya literatura (pervaya polovina XIX veka): K probleme russo-nemetskikh literaturnykh svyazei* [Hoffman and Russian Literature (the First Half of the 19th Century): the Problem of Russian-German Literary Relations]. Voronezh, 1977. 206 p.
3. Galakhov A. D. [Review of mystical literature in the reign of Alexander I]. In: *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of People's Education], 1875, no. 11, pp. 87–175.
4. Gershenson M. O. *Izbrannoe. Mudrost Pushkina* [Selected Works. The Wisdom of Pushkin]. Moscow, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2017. 655 p.
5. Gippius V. V. *Gogol. Vospominaniya. Pisma. Dnevnik* [Gogol. Memories. Letters. Diaries]. Moscow, Agra Publ., 1999. 464 p.
6. Kotsyuba V. I. [Mysticism of the epoch of Alexander I and the Orthodox ascetic tradition]. In: *Voprosy filosofii* [The Problems of Philosophy], 2011, no. 10, pp. 92–101.
7. Kotsyuba V. I. [Mysticism of the epoch of Alexander I and Christian anthropology]. In: *Voprosy filosofii* [The Problems of Philosophy], 2011, no. 3, pp. 90–100.
8. Kravchenko V. V. *Simfoniya chelovecheskoi kultury* [The Symphony of Human Culture]. Moscow, Agra Publ., 2017. 384 p.
9. Kuchurin V. V. [Mysticism and Western European esotericism in the religious life of the Russian nobility in the last third of the 18th – the first half of the 19th centuries: the experience of interdisciplinary research]. Available at: http://sofik-rgi.narod.ru/avtori/slovo_misl/kutchurin.htm (accessed: 05.05.2019)
10. Maimin E. A. [Vladimir Odoevsky and his novel «The Russian Nights»]. In: Odoevsky V. F. *Russkie nochi* [The Russian Nights]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 247–276.
11. Lopatin N. I. *Russkii krug Gofmana* [Russian Circle of Hoffmann]. Moscow: Book Center of VGBIL named after I. M. Rudomino Publ., 2017. 668 p.
12. Semeka A. V. [Russian freemasonry in the 18th century]. In: *Masonstvo v ego proshlom i nastoyaschem*. Vol. 1. [Freemasonry in its Past and Present]. Moscow, IKPA, 1991, 124–174 pp.
13. Turyan M. A. *Strannaya moy*a [My Strange]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 400 p.
14. Stuckrad K. von. The Scientification of Religion: An Historical Study of Discursive Change, 1800–2000. Boston, Berlin, de Gruyter, 2014. 225 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Виктория Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры лингвистики и переводоведения Московского авиационного института (Национального исследовательского университета);
e-mail: vickra@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Kravchenko – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Linguistics and Theory of Translation, Moscow Aviation institute (National Research University);
e-mail: vickra@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Кравченко В. В. Философско-антропологические воззрения В. Ф. Одоевского в контексте религиозно-мистических идей XIX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 3. С. 114–123.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-3-114-123

FOR CITATION

Kravchenko V. V. Vladimir Odоеvsky's philosophical and anthropological views in the context of religious and mystical ideas of the 19th century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 3, pp. 114–123.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-3-114-123